

Мордовский диалектологический словарь как лингвистический, этнографический и фольклорный источник

Елена Николаевна Ваганова

*Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва,
Саранск, Россия*

Ирина Валерьевна Лаптева

*Научно-исследовательский институт гуманитарных наук
при Правительстве Республики Мордовия,
Саранск, Россия*

Введение. Изучение лексики диалектологического словаря, которая имеет свои фонетические, грамматические и лексико-семантические особенности в зависимости от ареала распространения, считается актуальным, поскольку позволяет осознать богатство национального языка. Словарь содержит сотни местных народных слов и выражений, которые представляют собой культурно-историческую ценность, оставаясь при этом слабо изученными с точки зрения отражения в них «языка» народной культуры. В статье уделяется внимание лексическим единицам, которые являются релевантными для народного языкового сознания, делается акцент на структурной вариативности диалектной лексики, сохранности старой лексики определенных семантических полей. Цель исследования заключается в рассмотрении лексических единиц диалектологического словаря, этнолингвистической интерпретации изучаемого материала, направленной на реконструкцию соответствующего фрагмента языковой картины мира.

Материалы и методы. Материалом для исследования послужили лексические единицы Мордовского диалектологического словаря, которые передают самые разные стороны жизни. Статья выполнена в русле этнолингвистических исследований. В работе использовались методы отбора словарного материала, выделения семантических групп, метод семантического анализа, а также описательный, сравнительный и сопоставительный методы.

Результаты и их обсуждение. Впервые осмысление региональной картины мира рассматривается на основе Мордовского диалектологического словаря. Анализ и краткой лингвокультурологической оценке подвергнута бытовая лексика: народные названия кухонной утвари и пищи, одежды, головных уборов, вышивки и украшений, игр и праздников, отдельные предметы быта, их функции в бытовой жизни крестьянина. Особенностью этой лексики является ее тесная связь с жизнью народа, указывается на территориальное распространение в быту определенных групп населения. В статье систематизируется лексика, обозначающая флору и фауну, терминологию родства и свойства, особое внимание уделяется лексемным комплексам, которые являются ярким выразительным средством фольклорных произведений.

Заключение. Словарь представлен как лексикографический способ отражения материальной и духовной культуры этноса, как способ сохранения народной речевой культуры. Дальнейшее исследование диалектных лексем, объединенных в другие тематические группы, позволит существенно расширить наше представление о материальной и духовной культуре мордовского народа.

Ключевые слова: мордовский язык, диалектологический словарь, диалекты, говоры, сбор лингвистического материала, финно-угорские народы

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Ваганова Е. Н., Лаптева И. В. Мордовский диалектологический словарь как лингвистический, этнографический и фольклорный источник // Финно-угорский мир. 2024. Т. 16, № 3. С. 284–297. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.016.2024.03.284-297>

Введение

Диалектологический словарь хранит память одного из самых многочисленных финно-угорских народов России, вводит нас в мир народной культуры, содержит знания о многогранных сторонах жизнедеятельности народа. Предлагаемая статья посвящена изучению самых разных тематических групп и анализу отдельных лексико-семантических единиц диалектологического словаря как национально-культурной сокровищницы знаний, из которой можно черпать сведения о культуре, быте, обычаях, традициях и нравах мордвы. Познание нашедших отражение в диалектологическом словаре значимых жизненных реалий важно как для изучения самого языка, для сохранения памяти этнической культуры мордвы, так и для будущих поколений исследователей народа. Четырехтомный словарь является одним из самых богатых словарей в мордовском языкознании. В нем представлены особенности более 100 эрзянских и около 100 мокшанских говоров.

Диалектологический словарь закрепляет в своих единицах мифологические, нравственные, религиозные, этические представления носителей языка, которые отражают опыт мордовского народа и являются результатом его познавательной деятельности. В единицах диалектологического словаря органично сопряжены разнофакторные знания о жизни народа, поэтому они могут успешно привлекаться в качестве источника для изучения материальной и духовной культуры мордвы, его исторического прошлого и связи с другими народами, поскольку содержат заимствования и другие реликтовые явления. Словарь позволяет изучить пласт лексики, который забыт, утрачен, не употребляется, но сохраняет свой след в словаре как достоверном источнике. Диалектологический словарь дает богатый материал для дальнейшего изучения темы лингвистами, этнографами, историками и т. д., помогает народу осознать собственную значимость, понять и оценить истинный размер своего наследия, приложить усилия по его сохранению. Цель исследования – рассмотрение лексических единиц диалектологического словаря, этнолингвистической интерпретации изучаемого материала.

Обзор литературы

Сбором лингвистических, историко-этнографических, историко-культурных материалов занимались исследователи XVIII в. И. Г. Георги, Г. Ф. Миллер, П. С. Паллас, Ф. И. Страленберг. Они знакомились с элементами духовной и материальной культуры представителей средневожских народов, пытались закрепить диалекты в списках слов и небольших словарях. В их трудах были найдены мордовские названия предметов домашнего обихода, частей тела и внутренних органов, термины родства и свойства, земледелия и скотоводства, охоты и рыболовства, флоры и фауны, атмосферных явлений, небесных тел, рельефа местности.

Голландский ученый Н. Витсен, находясь в составе свиты голландского посольства в Московии с 1664 по 1665 г., занимался сбором этнографического и лингвистического материала народов России. В своем двухтомном труде *Noord en oost Tartarye* (Северная и Восточная Татария), который включал описание особенностей жизни, нравов, обычаев и быта народов сибирских земель, в том числе и мордвы, а также около 300 словарных статей голландско-мордовского словаря, Н. Витсен впервые указал на родство мордвы и черемисов. В данном труде слова объединены в тематические группы и переданы в латинице, транскрипция опирается на правила голландской (немецкой) орфографии.

А. Альквист был первым финским ученым, который впервые описал язык и фольклор мордовского народа. С 1856 по 1859 г. он путешествовал по среднему течению Волги и устью Оби с целью сбора обширного материала о местных языках, жизни, занятиях, экономическом положении, промышленной деятельности марийцев, мордвы, чувашей, татар, манси и хантов. Ему принадлежит одна из первых грамматик мокша-мордовского языка, которая была опубликована им в Петербурге на немецком языке в 1861 г.

Его ученик Х. Паасонен выиграл конкурс на получение стипендии Финно-угорского общества, в рамках которой осуществлял сбор лингвистического материала мордовских диалектов для будущего словаря и опи-

сания грамматического строя мордовского языка [1, с. 32]. Х. Паасонен совершил две экспедиции к финно-угорским народам России. В 1893 г. ему присуждается ученая степень доктора, а в 1904 г. он становится профессором кафедры финно-угорских языков в Хельсинкском университете. В своих научных поездках Х. Паасонен исследовал финно-угорские языки: марийский, хантыйский, мордовские (эрзянский и мокшанский), а также тюркские языки (чувашский и татарский). Ему удалось собрать большие объемы лексических и грамматических данных. Особой ценностью пользовались текстовые коллекции, большая часть из которых была опубликована П. Равилой и др. после смерти М. А. Кастрена, российского филолога финского происхождения. Большой словарь мордовских диалектов, созданный на основе собранных материалов Х. Паасонена, был издан в 1990-е гг.

Наряду с лингвистическими материалами Х. Паасонен собирал образцы устного народного творчества мордовского народа, с особой скрупулезностью документировал духовное наследие [2, с. 17]. Особенностью его подхода было бережное отношение к произведениям устного народного творчества, поэтому они считаются достоверными образцами мордовского фольклора. Итогом его поездок в 1889–1890 гг. в эрзянские и мокшанские села стал богатый лексический и архаический фольклорный материал, который был опубликован в выпусках журнала Финно-угорского общества с переводом на немецкий язык.

Х. Паасонен, вместе с Э. Н. Сетяля, является одним из основоположников младограмматической школы в Финляндии. Его докторская диссертация по исторической фонетике мордовских языков (1893) считается классическим образцом применения методов младограмматики, как и его работы по историко-сравнительной фонологии и этимологии уральских языков. Х. Паасонен заложил основы для развития фонетической системы диалектов мордовских языков, способствовал зарождению сравнительно-исторического подхода. С его именем связано издание первой монографии по исторической фонетике, которая считается значимым явлением в финно-угорской

лингвистике. Его труд «Вклад в историю звукового строя финно-угорских и самодийских языков» является первой попыткой представления фонологической истории финно-угорских и уральских языков и в течение многих десятилетий служит первоисточником и справочником по этой теме [3].

Х. Паасонена интересовали контакты уральских языков с другими языками, он изучал тюркские заимствования в мордовских (1897) и в хантыйском (1902) языках. В своем исследовании о близости финно-угорских и индоевропейских языков он вступил в дискуссию, начатую ранее Х. Свитом и К. Б. Виклундом. Приводя значительное число своих собственных и.е.-уральских лексических параллелей, Х. Паасонен приходит к выводу, что приведенное число и характер грамматических и лексических параллелей не подтверждает гипотезу генетического родства.

Материалы, собранные с невероятным терпением и усердием Х. Паасоненом, сохраняют свое значение как бесценный источник языковых данных для исследователей. Современное состояние знаний о мордовских диалектах во многом базируется на его работах. Он считается основоположником современной историко-сравнительной фонологии уральских языков. Целый ряд публикаций посвящен деятельности Х. Паасонена и его вкладу в исследование языков, фольклора и этнографии мордовского народа [1; 4].

Причина устойчивого интереса зарубежных исследователей к изучению мордовских говоров, на наш взгляд, кроется в самих говорах, представляющих собой огромный самобытный пласт мордовских языков, в котором в полном объеме отразилась материальная и духовная культура мордовского народа за весь период его существования.

Научное изучение диалектов и говоров представлено разносторонними работами [5–8]. К анализу словарного состава, истории создания и структуре Мордовского диалектологического словаря обращались Е. Н. Ваганова, М. С. Сураева [9; 10]. Д. В. Бубрих, ученик А. А. Шахматова, указывал на значительные расхождения в эрзя-мордовском и мокша-мордовском языках и необходимость создания двух

литературных языков [11]. Д. В. Цыганкин фокусирует свое пристальное внимание на грамматических категориях имени существительного в диалектах эрзя-мордовского языка [12]. М. З. Левина классифицирует диалекты мокшанского языка, устанавливает типичные языковые черты [13]. Н. А. Агафонова, И. Н. Рябов высказывают мысль о необходимости создания диалектологического атласа мордовских языков как важного этапа в развитии диалектологии эрзянского и мокшанского языков [14]. По их мнению, метод лингвистической географии в дальнейшем будет способствовать изучению различных аспектов языка. С. В. Богдашкина делает краткий экскурс в историю изучения диалектных слов мокшанского языка [15]. Н. Ф. Кабаева, А. В. Дивеев рассматривают фонетические особенности говора с. Адашево, юго-восточный диалект мокшанского языка они сравнивают с другими наречиями и диалектами мокшанского языка [16]. Г. В. Рябова в ходе синхронно-описательного анализа эрзянских фитонимов – диалектных наименований флоры – выявляет изменения в семантическом значении слова [17]. Мордовские ученые работают над созданием словаря шокшанского диалекта эрзянского языка, который имеет лексические, фонетические, грамматические особенности и отличается от мордовских литературных языков [18]; над созданием полноценного национального корпуса мордовских языков [19], который в идеале будет включать электронные версии орфографических, орфоэпических словарей, словарей антонимов и синонимов, а впоследствии и диалектологического словаря и др.

Материалы и методы

Словарь рассматривается в рамках этнолингвистического подхода и является бесценным источником изучения лексического состава народных слов и выражений, которые представляют собой культурно-историческую ценность, оставаясь при этом слабо изученными с точки зрения отражения в них «языка» народной культуры. Словарные материалы позволяют вскрыть не исследованные еще пласты лексики, воссоздать облик

лексики народных говоров. Содержащаяся в словарных статьях локально окрашенная лексика, сведения этнографического, социокультурного плана имеют непреходящее значение для диалектной лексикографии, лексикологии, истории и этнографии.

В статье уделяется внимание лексическим единицам, которые являются релевантными для народного языкового сознания и обладают значительным этнографическим и культурологическим потенциалом, делается акцент на структурной вариативности диалектной лексики, сохранности старой лексики определенных семантических полей, отражающих быт, занятия, обычаи мордовского народа. Материалом для рассмотрения выбраны отдельные лексико-семантические единицы тематических групп «Кухонная/хозяйственная утварь», «Пища», «Напитки», «Одежда», «Вышивка», «Украшения», в которых содержится информация об этнических, культурных, языковых особенностях. Помимо понятий сферы материальной культуры в статье уделяется внимание терминам родства, лексике, называющей растения и животных, а также лексическим единицам, которые связаны с праздниками и народными играми. В работе использовались методы отбора, первичной обработки и систематизации исследуемого материала, выделения семантических групп и семантического анализа, а также описательный, сравнительный и сопоставительный методы.

Результаты исследования и их обсуждение

Диалектологический словарь построен на большом иллюстративном материале записей народной речи, который позволяет восстановить историю обрядов, профессионально-производственной деятельности (косьба, пахота, пчеловодство). Привлекаемые фольклорные тексты служат иллюстративным материалом к словарным статьям. «Занимаясь диалектологией, исследователь неизбежно становится и этнографом, и фольклористом, так как диалектология сама по себе есть дисциплина вспомогательная и частью она входит в языкознание, а частью в этнографию» [20, с. 15]. Диалектологический словарь является ценным источником для изучения картины мира

мордовского этноса, для моделирования системы народного мышления. «Любой диалектный словарь, заключая в себе сотни и сотни местных народных слов и выражений, представляет собой подлинную энциклопедию материальной и духовной культуры народа. Народная лексика позволяет глубже, полнее и, главное, более детально проникнуть в историю народной культуры, в происхождение отдельных слов, в описание самих реалий и предметов» [21, с. 11].

Лексика, являясь самой изменчивой частью языка, осуществляет «связь времен», в ней можно обнаружить информацию о прежней материальной и духовной культуре народа – недавней или более отдаленной. Словарь является тем источником, который хранит живую народную речь прошедших эпох, считается надежным гарантом обеспечения объективных сведений о прошлом. «Лексика – очень чувствительный показатель культуры народа, и изменение значений, утеря старых слов, создание или заимствование новых – все это зависит от истории самой культуры» [22, с. 243].

Лексический состав Мордовского диалектологического словаря Х. Паасонена очень интересен и многообразен. Словарное ядро адекватно отражает истинное состояние лексики мордовских языков конца XIX – начала XX в. В словарь не вошли многочисленные изменения, происшедшие в лексике в бурные 20–30-е гг., не оставил свой след трудный послереформенный период (1938). Словарь располагает богатыми сведениями, например, по земледелию, пастушесству, пище, напитках, кухонной утвари, одежде мордовского этноса. В словаре присутствуют имена собственные: топонимы, антропонимы, фитонимы, зоонимы, некоторые из них очень редкие, почти не известные рядовым носителям современного эрзя-и мокша-мордовских языков и непонятные без соответствующих лексикографических дефиниций.

Словарь хранит пласт лексики, связанный с хозяйственной домашней утварью: *šaka* (*šakañä, šakañähä*), *šavañä, gužña, inepenč, jandava, ploška, pekška, pař, čapla-ška, tutəl* и др. Каждая словарная единица сопровождается иллюстративным пояснением. Так, в Нижнем Катмисе Сосновоборского района

Пензенской области мокшане высказывали друг другу такое пожелание *žara šakať esa jamksta, šäña-ra šumbra* ‘сколько крупы в горшке, столько благ и здоровья тебе’, где слово *šaka* [23, с. 2083] означает горшок.

При обращении к словарной статье ключевого слова *ploška* E: Mar Bug Večk Bag – *ploška* [M: Sel] [23, с. 1703], удивляет прежде всего многофункциональность этой кухонной утвари. Как показывают условные обозначения, это была распространенная посуда в основном у эрзи в селах Большое и Малое Маресево Чамзинского р-на Мордовской АССР, Бугульминском р-не Татарской АССР, Бугусланском р-не Оренбургской обл., с. Старое Вечканово и Новое Вечканово Иса克林ского р-на, с. Багана Шенталинского р-на Куйбышевской обл., у мокши в с. Покровские Селищи Zubovo-Полянского р-на Мордовской АССР, но имеются некоторые оттенки в значениях в зависимости от места проживания: *плошка, плоский сосуд; деревянная кружечка; чайная чашка*. Данная лексема употребляется также в составе композитов *norov-ploška* ‘большая, деревянная пивная кружка’, *pija-ploška* ‘пивная кружка’, *řadovoj ploška* ‘передаваемая по ряду посуда для питья в большие праздники, к примеру, Пасхи, Рождества’. Это слово употребляется в сравнительных конструкциях. Так, про человека с большими глазами говорят *ine ploškat šelmenze* ‘его глаза словно плошки’.

Широкой популярностью, как известно, у мордвы из всех предметов домашнего обихода пользовался *pař*, употребляемый в быту для разных хозяйственных целей. В словаре Х. Паасонена приводятся следующие значения данного понятия: *кадка, кадушка, нудовка, круглый сундук* [23, с. 1550–1552]. Этот вид хозяйственной утвари выдалбливался из единого ствола толстого дерева – вековой липы. В зависимости от размера и назначения, парь имел соответствующие названия: *šapaks-pař, kadmo-pař, piřtäm-pař, pondo-pař, poza-pař*. Например, *кадка для масла oj-pař* в с. Старое Вечканове; *бочка для медового напитка puře-pař* у эрзи в Маресево, у мокши в Пензенской области – *puřä-pař*; *кадушка под квас* в с. Старое Пшенево Ковылкинского района Мордовии – *kvas-pařñe*; *лохань, ушат для полоскания белья ošks-pař* – в Белинском районе Пензенской области; *ведро*

для воды *véd-par* – в деревне Коляево Теньгушевского района Мордовии, в с. Кадом звучит как *ved-bar*.

Имелись и другие разновидности парей: кадушка для муки, теста, браги, маслобойки, соли, для обгоревших лучин и т. д. Среди них выделялся свадебный парь, который отличался от обычного своим сакральным предназначением – быть хранилищем счастья невесты. Отсюда его название *e'ato-par* 'большой липовый или осиновый сундук для одежды' – «сундук жизни». По этой причине он покрывался особыми письменами, родовыми знаками, орнаментом, своего рода письменным фольклором, имеющим смысл благопожеланий в предстоящей семейной жизни. Сундук для хранения приданого *sovato-par* покупал отец. Свита жениха привозила его в дом невесты в момент обсуждения и назначения дня свадьбы *čii putomo-čine*.

Большое место в словаре уделяется названиям предметов домашней утвари, в частности посуде для хранения пищевых продуктов, их переработки и употребления. В словаре дается характеристика предмета, отмечается, что мордва издревле изготовляла утварь в основном из дерева и глины: горшки, чашки, кувшины. Как сваренные жидкие блюда, так и каши подавали на стол в деревянной или глиняной чашке, накладывали деревянным черпаком, ели деревянными ложками. Из домашней утвари глиняный горшок под названием *pekška* М: Čemb Sel, служащий для подогревания каши и молока в Белинском районе Пензенской области и в с. Покровские Селищи Zubovo-Полянского района Мордовии, не отмечен пометой Е, а значит, не использовался в хозяйстве эрзян [23, с. 1596].

Традиционным напитком мордвы наряду с квасом, вином, брагой считается *puře* 'медовуха, медовый квас' [23, с. 1852–1853], как свидетельствует словарь, в разных мордовских селениях это слово имеет свои особенности произнесения, хотя и незначительные: *puře, puřä, puřä*. Более того, корни этого слова восходят к тюркским языкам – Түг. *bira*. «Оказывается, пишет М. Е. Евсевьев в письме к А. А. Шахматову, что почти каждая мордовская деревушка имеет свои слова и особенности

в языке, что, конечно, вполне естественно при разрозненности мордвы. Кроме того, мордовский язык немало запутан взаимным влиянием наречий эрзянского и мокшанского. В одних местностях эти наречия близко подходят друг другу, в других расходятся весьма далеко» [24, с. 99]. Конечно, звуковой облик слов в разных говорах может несколько отличаться, но генетическая общность этих слов всегда очевидна.

Вышеупомянутый медовый напиток (пуре) употреблялся в будни и праздники: *ihečii pure* 'пасхальный, медовый напиток'. Хранили его в бочках – *pure lagun*. Встречается и другое название *pure par* в Маресеве и *purä-par* в Пензенской области. Х. Пасонен и составители словаря в качестве сопроводительных помет указывают сферу бытования и использования понятия. Подавали напитки в деревянных и глиняных братинах, глиняных кувшинах, горшках, пили их из деревянных и глиняных стаканов, кружек, ковшей. Другое обозначение этого широко употребляемого домашнего напитка заимствовано из русского языка и известно как квас *kvas* Е: Mar – kvas М:Р, *kuva:s* М: Sučк [23, с. 988], уменьшительно-ласкательное – *kvaske* Е:Pičel, *kvaskä* М: Р Pš. В с. Вертелиле Старошайговского района Мордовии была распространена примета – *kvas [-] tusttnä väri kepädišt, pižam tuj* 'если пивные дрожжи поднимутся, пойдет дождь'.

В словаре рассматриваются и оттенки значения слова. Так, плохой не совсем ядреный квас после второй заливки в с. Маресеве Чамзинского района назывался *ivaška* Е: Mar VVr [23, с. 471], чуть иначе, подчеркивая ударный слог, в с. Кадом Теньгушевского района – *ivaška* Е:Kad Kal, в с. Баевка Николаевского района Ульяновской области звучит как *mäi-lks*, в других эрзянских районах – *mejlks, kajaš*, у мокши Пензенской области (без западных районов) – *səno-k*. Контекст дает полное представление о сфере бытования лексики в языковом, духовном пространстве этноса.

Интерес представляют те страницы словаря, которые связаны с терминологией мордовской одежды, обладающей яркой национальной самобытностью. Сообщается, что рубаху – один из основных элементов мор-

довского национального костюма – в будничные и праздничные дни опоясывали. Очень разнообразны по внешнему виду, расцветке, технике изготовления и назначению пояса морденок. Женская одежда носит разные названия в зависимости от того, какие на ней вышивки и когда она надевается – в праздник или будни. Праздничная одежда обозначалась словом *pokaj* [23, с. 1718]. В этой одежде, но более удлиненной по форме и обильно украшенной вышивкой, выдавали замуж. Такую торжественную туникообразную рубашку, похожую, по словам И. Н. Смирнова, на праздничные облачения византийских императоров (дивитисий), надевали по большим праздникам – Пасху, Рождество, Троицу, а также на вечерние гуляния, в воскресные дни. Словарь ценен тем, что дает названия различных вариантов рубашки, отличающейся наличием или отсутствием вышивки, длины и т. д. Носили также укороченные рубашки – *viška panar*. Это самая верхняя праздничная одежда. В словаре уделяется также внимание терминам, обозначающим способы орнаментальной одежды. Вышивка на праздничной эрзянской одежде обозначалась словом *pokaj-targavks* [Е: МКly] Večk.

Изучение статей словаря показывает терминологическое богатство названий способов вышивания, узоров, орнаментальных мотивов. Приведем лишь некоторые из них: *alge* ‘вышивка на женской праздничной рубашке’ [23, с. 34], *oža-arst* ‘нарукавная вышивка’ [23, с. 63], *avalga sorma* ‘темьянная вышивка’ [23, с. 159], *čapor-art* ‘вышивка понизу подола мордовской женской рубашки’ [23, с. 90], *karks-čamaks* ‘вышивка в женском поясном украшении’ [23, с. 205], *panar-eňžar* ‘вышивка на шве рубашки’ [23, с. 365], *gigaga* ‘вид вышивки’ [23, с. 410], *ikelga targavkst* ‘вышивки на передней стороне рубашки’ [23, с. 445], *sure-ki* ‘вышивка на рукаве женской рубашки’ [23, с. 2062], *surčeme* ‘гребневидная вышивка’ [23, с. 2062], *prême-č-sorma* ‘голубиная вышивка, вышивка внизу в женской рубашке’ [23, с. 1679], *kuz-uma-rgeč algiñeñ* ‘вышивка в виде еловой шишечки’ [23, с. 2455], *sozma tev* ‘искусное, тонкое рукоделие’ [23, с. 2078] и т. д. Уточняется тот факт, что по количеству вышитых ручных изделий

судили о трудолюбии девушки, ее готовности к семейной жизни и состоятельности. В терминологии мордовской вышивки нашли отражение зооморфные, растительные, антропоморфные мотивы. Приведенные многочисленные примеры показывают нам, что эти названия возникли у вышивальщиц как соответствующие ассоциации с явлениями окружающей природы – растениями, плодами, насекомыми, животными.

Среди видового разнообразия национальной женской одежды эрзи и мокши наиболее употребительная «руця». Данные словаря свидетельствуют о многозначности слова *ruća* [23, с. 1903]. Территориальные различия внесли свои дополнительные оттенки значения в содержательную структуру данной лексической единицы: *льняная куртка или верхняя сорочка женщины, платок, пеленка или детская простынка, платок, шаль, головной платок, третья самая верхняя рубашка невесты*. Заметим, что по числу рубашек, надеваемых мордовкой на гулянье, определялась состоятельность невесты. Зажиточные девушки имели много различных рубашек, надеваемых в определенные, строго установленные традицией дни. Немецкая интерпретация вносит дополнительные уточнения при толковании данного понятия в значении «платок». Авторы словарной статьи указывают на отсутствие строгой разницы между замужней и незамужней девушкой, тем не менее существовала традиция завязывать концы платка в узелок (пучок) для замужней женщины и наоборот расправлять свободно по спине для незамужней.

В словаре нашла отражение и терминология, связанная с головными уборами женщин, которые считались неотъемлемым компонентом народного костюма. Они служили не только важным маркером субэтнического разделения на эрзю и мокшу, но только выполняли эстетическую функцию, но и были социовозрастными маркерами – существовали девичьи и женские. К головным уборам тесно примыкают различные украшения, представляя ансамблевое единство с костюмом. Так, согласно словарю, различают височные, налобные, ушные и накосные украшения. В старину женщины и девушки носили в два пальца шириной на-

лобные повязки из ткани – *aškətf* [23, с. 75], которые украшали купленными на базаре лентами и пришитыми по центру пуговицами (рядами пуговиц). Например, *piñdəl-vañdəl šijän aškətf soñ koñasənza* ‘у нее налобная повязка, отливающая серебром’. В с. Вертелим Старошайговского района Мордовии – *šlapaňac päškšä särs lentičkada, särs lentačkada, [štirän] aškəfta* ‘его шляпа полна до краёв девичьими головными и налобными повязками’.

В словарной статье *suře* [23, с. 2062–2063] в разделе сложных слов встречается другое название данного понятия *pra-suře(t), pra-suře* – головной платок, налобник у девушек, состоящий из бисеринок, бусинок, металлических пластинок или птичьих перьев (селезня). Уточняется к тому же, что носили по три таких налобника одновременно: нижний – более широкий, средний – уже, а третий (с блестками, пуговицами, металлическими пластинами) – самый узкий, завязывался высоко. Платок, которым покрывают налобник невесты, у мокшанок в Пензенской области (без западных районов) называется *soldu-ručä* [23, с. 2010]. Весьма ценно то, что в словаре даются сведения о форме и манере ношения головных уборов. В письме Н. М. Могилянскому М. Е. Евсеев подчеркивает, что «костюм мордовских женщин находится в связи с говором мордвы, малейшая перемена в костюме всегда указывает и на перемену в говоре, а также и на разницу в обычаях и обрядах. <...> В мордовском женском костюме так много разных мелочей, частью связанных с разными обрядами и тем положением, которое женщина занимает в семье» [24, с. 484; 486].

В значительной мере представлена лексика, обозначающая флору и фауну; терминология родства; народные названия болезней; топонимическая лексика; этнонимы; гидронимы и т. д. Приведем примеры этой лексики:

1. Флора: *raz-ítkše, raz-íišä, roman-ítkšä* ‘ромашка’ [23, с. 2405]; *avaka-kilejgje* ‘берёза бородавчатая’ [23, с. 90]; *lakšt-uma-ř* ‘ежевика’; *ofto-umar, oftoma-ř* ‘плод шиповника’; *moda-umar* ‘картофель’; *šija-ma-ř, šija-ma-ř, aita-umar* ‘вишня’ [23, с. 2453–2454]; *še-j-uma-ř, šej-uma-ř* ‘клюква’ [23, с. 231]; *veřgistiř* ‘жимолость’ [23,

с. 783]; *dura-k-kuja-r* ‘тыква’ [23, с. 333]; *kañšuro* ‘конопля’ [23, с. 2143]; *čiñžaramo* ‘подсолнух’ [23, с. 2543]; *elde-načko* ‘конёвник’ [23, с. 364]; *čirej-łopa* ‘подорожник’ [23, с. 179]; *čapur-tikše* ‘богородская трава’ [23, с. 160]; *šije-řaň* ‘колокольчик’ [23, с. 630]; *inal-tikše, kuda-n tišä* ‘папоротник’ [23, с. 461; 2404]; *pići-palaks* ‘жгучая крапива’ [23, с. 1662; 1651]; *kañiz-áikše* ‘анис’ [23, с. 2405]; *tum-umar* ‘желудь’ [23, с. 2454]; *iñdər* ‘клещевник, жимолость’ [23, с. 461]; *pakša-puloks* ‘ковыль’ [23, с. 1508]; *guj-paňgo* ‘шампиньон’ [23, с. 1532]; *puřgine-palaks* ‘чертополох’; *karvo-paňgo* ‘мухомор’ [23, с. 1532]; *pekše-paňgo* ‘белый гриб’ [23, с. 1532] и др.

2. Фауна: *pakša-čirñä* ‘кузнецик’ [23, с. 180]; *pakša-cirki-ň* ‘сверчок полевой’ [23, с. 179]; *čej-guj* ‘болотная змея’ [23, с. 230]; *norov-jožni* ‘житная змея’ [23, с. 1352]; *čeř-kju* ‘волосатник’ [23, с. 240]; *pakša-guj* ‘змейка’ [23, с. 1508]; *pešks-guj* ‘медяница’ [23, с. 933]; *šeřa-präkuj* ‘уж’ [23, с. 933]; *kuja-suks* ‘дождевой червь’ [23, с. 2049]; *ved-saraz* ‘бекас, трясогузка’ [23, с. 1954]; *viř-saras* ‘куропатка, глухарка’ [23, с. 1954]; *pakša-po-va* ‘куропатка’ [23, с. 1508]; *ved-waran, ved-baran* ‘кулик’ [23, с. 117; 2587]; *tulevks* ‘поросёнок’ [23, с. 110; 1118]; *šardo-ava, šard-ava* ‘лосиха’ [23, с. 291; 2091]; *ved-gal* ‘сом’ [23, с. 110; 2587; 2387]; *ved-baca* ‘выдра речная’; *norov-zorc* ‘жаворонок’ [23, с. 110; 1353]; *keď-čever* ‘летучая мышь’ [23, с. 110; 232]; *keď-šovna* ‘летучая мышь’ [23, с. 2573]; *pokš pra korš* ‘филин’ [23, с. 859; 839]; *kengalks* ‘ноктед’ [23, с. 700]; *pakša-buka* ‘какое-то насекомое, божья коровка, букашка’ [23, с. 1507]; *pondo-baba* ‘паук’ [23, с. 110]; *avaka-gala* ‘гусыня’ [23, с. 90]; *pakša-keñdal* ‘ягодный клоп’ [23, с. 1507]; *pakša-čejer* ‘полевая мышь’ [23, с. 1507] и др.

3. Терминология родства и свойства: *jutkso pata* ‘средняя сестра’ [23, с. 1557]; *täiat-avat* ‘родители’ [23, с. 2397]; *paítasazort* ‘брат и сестра’ [23, с. 1557]; *od ava* ‘мачеха’ [23, с. 90]; *avaň pola* ‘вдова’ [23, с. 89]; *křosn ava* ‘крёстная’ [23, с. 904]; *kud-ava* ‘мать жениха’ [23, с. 921]; *šeř-a-tä* ‘отец отца, дядя отца, предок’ [23, с. 86]; *pokšta* ‘дед, отец отца, прадед’ [23, с. 1726];

avat-čejčert ‘мать с дочерью’ [23, с. 26]; *tétat-čorat* ‘отец с сыном’ [23, с. 1658]; *kijalt-pátat* ‘жены братьев’ [23, с. 2:753]; *átat-babat* ‘предки’ [23, с. 109]; *urvat-avavt* ‘сноха и свекровь’ [23, с. 1703]; *pátat-jalakst* ‘сестра с младшим братом’ [23, с. 1429]; *kuda-baba* ‘мать невестки’ [23, с. 921]; *kel-avás* ‘жена старшего брата мужа’ [23, с. 92]; *lomañ tata* ‘свёкор’ [23, с. 2397] и др.

В словаре нашли отражение как исконно мордовские слова, так и заимствованные. Длительное дисперсное проживание мордвы с русскими, татарами, чувашами повлияло на уклад жизни и семейно-общественные воззрения этноса. Некоторые заимствованные слова вошли в житейскую мудрость народа. Заимствование русской, татарской лексики осуществлялось непосредственным переносом в мордовский язык, калькированием, т. е. буквальным переводом слова по его частям. Мордовский словарь Х. Паасонена сохранил следы большого количества русских заимствований: *poltiñnik* ‘полтинник’ [23, с. 1737], *rub’la* ‘рубль’ [23, с. 1903], *pokrov* ‘покров’ [23, с. 1724], *saraḥ’an* ‘сарафан’ [23, с. 1952], *samovar* ‘самовар’ [23, с. 1944], *skateř* (*skateřt*, *skater*, *skatər*) ‘скатерть’ [23, с. 1992], *skaska* ‘сказка’ [23, с. 1992], *soka* (*soka*) ‘соха’ [23, с. 2006], *šelanka* ‘селянка’ [23, с. 2126], *soroka* ‘сорока’ – головной убор замужних женщин [23, с. 2017], *mudraj* ‘мудрый’ [23, с. 1293], *mirna* ‘мирный’ [23, с. 1266] и др.

В словаре нашел отражение значительный пласт тюркизмов, которые передают различные стороны жизни и деятельности человека, окружающей природы: *karakš* ‘вор’ тат. [23, с. 611], *sorgā* ‘серьга’ тат., чув. [23, с. 2014], *sa’kal* ‘борода’ тат. [23, с. 1935], *sapuñ* ‘мыло’ тюрк. [23, с. 611], вероятно, из тюркских языков заимствовано слово *čeklik* ‘маленький головной убор’ [23, с. 611].

Из диалектологического словаря можно установить редкие названия народных праздников и игр, которые отсутствуют в современных лексикографических источниках и открывают удивительные страницы прошлого: *laba* ‘праздник жертвоприношения весной в Петров день’ [23, с. 1091], *baltaj-ozks* ‘праздник жертвоприношения’ [23, с. 114], *pakša-osks* ‘праздник жертвоприношения поля’ [23, с. 1508], *avañ*

poza-ozks ‘женский праздник’ [23, с. 90], *soldat-osks* ‘солдатское жертвоприношение’ [23, с. 1940]. Эти лексемы запечатлели тот отрезок времени, когда существовали еще жертвоприношения и общинные моления, языческие игрища. Именно в языковых единицах, которые являются отголосками жертвенного культа, обнаруживаются следы древнего восприятия мира, что особенно ценно при исследовании давно прошедших эпох и культуры народа.

Словарь зафиксировал и более поздние народные игры. Так, в Пензенской области среди мокши была популярна «игра яйцами» – *pućama* [23, с. 1828], в Белинском районе Пензенской области популярной была «игра в горелки» – *ojda* (*kućka-ojda*) [23, с. 1434].

Не менее интересны и широко представлены в словаре типичные для мордовского языка дилексемные комплексы, состоящие из повторяющихся элементов на уровне разных частей речи: существительных, прилагательных, глаголов или наречий. Они изобилуют в фольклорных текстах, украшают поэтическую речь, делают ее более яркой и выразительной. О. В. Юдаева, занимаясь изучением глагольных дилексемных комплексов, пишет о фольклоризированной окраске и культурно-значимом восприятии дилексем: «Они возникли в глубочайшей древности в произведениях устного народного творчества, когда поэтическая функция в качестве образующего момента глагольных дилексем превалировала над семантическими и грамматическими моментами, стояла на первом плане» [25, с. 271]. Приведем примеры некоторых из них. Существительные: *viřt-ukštjrt* ‘лес’ [23, с. 637], *kšj-sal* ‘хлеб-соль’ [23, с. 907], *karř-prakstat* ‘лапти, портянки, онучи’, *kšit-šukort* ‘хлеб-лепёшки’ [23, с. 1673], *acamut-velkst* ‘постель’ [23, с. 6], *kurřt-karřt* ‘сучья, хворост’ [23, с. 614], *nulat-valat* ‘лохмотья, одежда, пожитки’ [23, с. 1364], *lutk-latk* ‘долы и овраги’ [23, с. 1031], *kudot-čjřt* ‘дом с надворными постройками’ [23, с. 924], *muřkat-grizat* ‘грыжа, кила’ [23, с. 1301], *seř-runjo* ‘тело’ [23, с. 1969]; прилагательные: *kudoñ-kardazjñ* ‘домашний’ [23, с. 562], *šurdov-šardov* ‘сучковатый, раскидистый, безобразный’ [23, с. 2199], *jožov-važov* ‘ум-

ный, ласковый, приветливый, угодный' [23, с. 539]; глаголы: *andoms-šimdems* 'угостить, вырастить, воспитать' [23, с. 43], *kištemsmorams* 'веселиться' [23, с. 785], *šimemsjarsams* 'пировать' [23, с. 2155], *ko-lemška-ladoms* 'расстроиться, разладиться' [23, с. 835], *vitemspetems* 'поправить, привести в порядок' [23, с. 2657], *karšems-kirňams* 'обуться и одеться', *muňams-kaštams* 'колдовать' [23, с. 1297], *kevkšttems-kivedems* 'расспросить' [23, с. 736], *urvakstoms-ňikstems* 'жениться'; наречие: *kudov-čiv* 'домой' [23, с. 924]. Причем один из компонентов дилексмойной конструкции может заимствоваться из русского языка: *ošt-gorot* 'город', *bazar-ačar* 'базар' [23, с. 7] или один из компонентов репрезентирует эрзянский язык, а другой компонент – мокшанский язык: *večkems-keľgems* 'любить-уважать'. В финно-угорском языкознании такие сочетания называются парными словами [26].

Заключение

Изучение классического наследия мордовского народа невозможно представить без использования Мордовского диалектологического словаря, хранящего ценную информацию об этнической жизни и культуре мордвы. Словарь окажет неоценимую помощь при сравнении целых фрагментов языковых картин мира мокши и эрзи, а также мордовского народа с другими финно-угорскими народами. Работа, предпринятая финским исследователем Х. Паасоненом по выявле-

нию языковых особенностей того или иного региона, может перерасти в установление как фольклорных региональных традиций и доминант, так и «фольклорных диалектов». Это еще раз подтверждает плодотворную мысль Н. И. Толстого о зависимости языка от территории бытования: «Диалектен не только язык, но и народная культура, и фольклор, и эти два последних явления существуют и функционируют исключительно в диалектной форме, в форме местных, узколокальных вариантов» [27, с. 13].

Лексический материал, который содержится в словаре, очень обширен. Не имея возможности изучить его подробнее, мы ограничились лишь описательным рассмотрением отдельных диалектных лексем. В настоящей статье основное внимание сосредотачивается на изучении предметно-бытовой лексики мордовских говоров по лексико-семантическим группам: бытовая емкость/сосуд, утварь, одежда, украшение и т. д. Предпринимается попытка дать им краткую лингвокультурологическую оценку. Однако представленные примеры уже дают понять, насколько богата история поволжского народа, которая полностью до сих пор не исследована. Дальнейшее исследование диалектных лексем, объединенных в другие тематические группы, позволит существенно расширить наше представление о материальной и духовной культуре мордовского народа.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сааринен С. Хейкки Паасонен – выдающийся исследователь мордовских языков и культур // Финно-угорский мир. 2009. № 1 (2). С. 32–35. EDN: OZPEID
2. Хакамиэс П. Изучение мордовского фольклора в Финляндии // Вестник Мордовского университета. 1995. № 1. С. 16–20. URL: <https://clck.ru/3CThZk> (дата обращения: 06.01.2024).
3. Paasonen H. Beiträge zur finnisch-ugrisch-samojedischen Lautgeschichte // Keleti Szemle. T. XIII. Budapest, 1912/1913. URL: <https://archive.org/details/keletiszemlevol13/page/n1/mode/2up> (дата обращения: 30.07.2024).
4. Мосина Н. М. Вклад Хейкки Паасонена в развитие мордовского языкознания // Финно-угорские языки народов России в ус-

- ловиях взаимодействия с языками разных систем : материалы Междунар. симпозиума, посвященного юбилею финно-угроведов Хейки Паасонена (150 лет), Пауля Аристэ (110 лет) и Б. А. Серебренникова (21–22 мая 2015 г., г. Саранск). Саранск : Изд-во Морд. гос. ун-та, 2016. С. 5–11. EDN: XSPVGL
5. Гребнева А. М. Диалектная лексика как объект изучения и средство обучения в курсе «Мордовская (эрзянская/мокшанская) диалектология» и на смежных с ним спецкурсах // Интеграция образования. 2006. № 1. С. 169–173. URL: <https://clck.ru/3C6dZn> (дата обращения: 06.01.2024).
 6. Ермушкин Г. И. Развитие фонетической системы диалектов эрзя-мордовского языка : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1997. URL: <https://clck.ru/3C6dmP> (дата обращения: 06.01.2024).
 7. Мордовский этнографический сборник: в прил.: Описание села Оркина Саратовского уезда А. Н. Минха / сост. А. А. Шахматовым. СПб. : Типография Императорской Академии наук, 1910. 848 с. URL: <https://clck.ru/3C6eEM> (дата обращения: 06.01.2024).
 8. Кукушкина Н. Ф. Фонетика мокшанских диалектов (в лингвогеографическом аспекте) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саранск, 2012. URL: <https://clck.ru/3C6ega> (дата обращения: 06.01.2024).
 9. Ваганова Е. Н. К истории создания и структуре Мордовского диалектологического словаря // Фольклор в контексте культуры : материалы Всерос. науч. конф. Махачкала, 2009. С. 115–118. EDN: VUAUHL
 10. Сураева М. С. Научные изыскания Хейки Паасонена в диалектологии мордовских языков // Взаимодействие науки и общества: проблемы и перспективы : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (22 февраля 2018 г., г. Казань). Уфа : Изд-во ООО «Агентство международных исследований», 2018. С. 179–180. EDN: YQOTFZ
 11. Керт Г. М. Дмитрий Владимирович Бубрих. 1890–1949: Очерк жизни и деятельности. Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1975. 104 с.
 12. Цыганкин Д. В. Грамматические категории имени существительного в диалектах эрзя-мордовского языка : учеб. пособие по диалектологии эрзян. яз. для студентов вузов. Саранск : Изд-во Морд. гос. ун-та, 1977. 104 с.
 13. Левина М. З. Из истории классификации диалектов мокшанского языка // Финно-угорский мир. 2015. № 3 (24). С. 24–35. EDN: VJUGCL
 14. Агафонова Н. А., Рябов И. Н. Диалектологический атлас как результат исследований диалектов методами лингвистической географии // Финно-угорский мир. 2013. № 2 (15). С. 48–53. EDN: RCGBDZ
 15. Богдашкина С. В. Краткий обзор исследований по диалектной лексике мокшанского языка // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2013. № 9. С. 212–221. URL: <https://clck.ru/3C796i> (дата обращения: 06.01.2024).
 16. Кабаева Н. Ф., Дивеев А. В. Юго-восточный диалект мокшанского языка: фонетические особенности одного говора // Вестник угроведения. 2020. Т. 10, № 3. С. 453–461. EDN: LZPUQX
 17. Рябова Г. В. Лингвогеографический анализ фитонимов эрзянского говора Самарской области // Филологический аспект. 2020. № 7 (63). С. 27–33. URL: <https://clck.ru/3C79LM> (дата обращения: 06.01.2024).
 18. Диалектный словарь как источник изучения лексического своеобразия шошанских говоров / Г. А. Натуральнова [и др.] // Казанская наука. 2021. № 7. С. 103–106. EDN: HVQFBV
 19. Лаптева И. В. Сохранение культурного наследия как проблема лингво- и этнокультурологии // Этнос, язык, культура в коммуникативном пространстве : познание и преподавание : материалы Всероссийской науч.-практ. конф. с междунар. участием (1–2 ноября 2023 г., г. Абакан). Абакан : Изд-во ХГУ им. Н. Ф. Катанова, 2023. С. 10–13. EDN: HGTPCS
 20. Еремина В. И. Вступительная статья // Фольклорное наследие А. А. Шахматова / Подготовка текстов, вступ. ст. и коммент. В. И. Ереминой. СПб. : Изд-во РХГА, 2005.
 21. Герд А. С. Введение в этнолингвистику : курс лекций и хрестоматия. 2-е изд., испр. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2005. 456 с. URL: <https://djvu.online/file/rzJpKntVyvICK> (дата обращения: 06.01.2024).
 22. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М. : Изд. группа «Универс», 1993. 654 с.
 23. Paasonen H. Mordwinisches Wörterbuch. Helsinki : Suomalais-Ugrilainen Seura, 1990–1996. Bd. I–IV. 2703 s.
 24. Евсевьев М. Е. Избранные труды : в 5 т. Историко-этнографические исследования. Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1966. Т. 5. 552.
 25. Юдаева О. В. Эволюция поэтической функции в глагольных дилексемных комплексах // Поэтика художественного текста : материалы Междунар. заочной науч. конф. Борисоглебск : Борисоглебский гос. пед. ин-т, 2008. Т. 1. С. 271–279.
 26. Шиянова А. А. История изучения парных слов в финно-угорском языкознании // Вестник угроведения. 2012. № 1 (8). С. 63–68 URL: <https://clck.ru/3C7FnQ> (дата обращения: 06.01.2024).
 27. Славянский и балканский фольклор: Этнолингвистическое изучение Полесья / редкол.: Н. И. Толстой (отв. ред.) [и др.]. М. : Индрик, 1995. 399 с.

Поступила 09.07.2024; одобрена после рецензирования 14.08.2024; принята к публикации 21.08.2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Е. Н. Ваганова – кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва (430005, Российская Федерация, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8941-846X>, waganowa@mail.ru

И. В. Лаптева – доктор философских наук, главный научный сотрудник, заведующий отделом теории и истории культуры Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (430005, Российская Федерация, г. Саранск, ул. Л. Толстого, д. 3), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0444-4237>, laptevaiv@yandex.ru

Mordovan Dialectological Dictionary as a Linguistic, Ethnographic and Folklore Source

Elena N. Vaganova

*National Research Mordovia State University,
Saransk, Russia*

Irina V. Lapteva

*Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia,
Saransk, Russia*

Introduction. The study of the vocabulary of the dialectological dictionary, which has its own phonetic, grammatical and lexical-semantic features depending on the area of distribution, is considered relevant because it allows one to understand the richness of the national language. The dictionary contains hundreds of local folk words and expressions that are of cultural and historical value, while remaining poorly studied from the point of view of reflecting the “language” of folk culture. The article pays attention to lexical units that are relevant to the national linguistic consciousness, focusing on the structural variability of dialect vocabulary and the preservation of old vocabulary of certain semantic fields. The purpose of the study is to consider the lexical units of the dialectological dictionary, the ethnolinguistic interpretation of the material being studied, aimed at reconstructing the corresponding fragment of the linguistic picture of the world.

Materials and Methods. The material for the study was the lexical units of the Mordovian dialectological dictionary, which convey the most diverse aspects of life. The article was written in line with ethnolinguistic research. The work used the method of selecting vocabulary material, the method of identifying semantic groups, the method of semantic analysis, as well as descriptive, comparative and contrastive methods.

Results and Discussion. For the first time, understanding the regional picture of the world is considered on the basis of the Mordovian dialectological dictionary. Everyday vocabulary was subjected to analysis and a brief linguocultural assessment: folk names for kitchen utensils and food, clothing, hats, embroidery and jewelry, games and holidays, individual household items, their functions in the everyday life of a peasant. A peculiar feature of this vocabulary is its close connection with the life of the people, indicating the territorial distribution in everyday life of certain groups of the population. The article systematizes the vocabulary denoting flora and fauna, terminology of kinship and properties, special attention is paid to dilexic complexes, which are a vivid means of expression in folklore works.

Conclusion. The dictionary is presented as a lexicographical way of reflecting the material and spiritual culture of an ethnic group, as a way of preserving folk speech culture.

Keywords: mordovian language, dialectological dictionary, dialects, collection of linguistic material, Finno-Ugric peoples

Conflict of interest: The authors declare no conflict of interest.

For citation: Vaganova E.N., Lapteva I.V. Mordovan Dialectological Dictionary as a Linguistic, Ethnographic and Folklore Source. *Finno-Ugric World*. 2024;16(3):284–297. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.016.2024.03.284-297>

REFERENCES

1. Saarinen S. Heikki Paasonen – the Outstanding Researcher of Mordovian Languages and Cultures. *Finno-Ugric World*. 2009;(1):32–35. (In Russ., abstract in Eng.) EDN: OZPEID
2. Khakamies P. [Studying Mordovian Folklore in Finland]. *Vestnik Mordovskogo universiteta*. 1995;(1):16–20. (In Russ.) Available at: <https://elck.ru/3CThZk> (accessed 06.01.2024).
3. Paasonen H. Beiträge zur finnisch-ugrisch-samojedischen Lautgeschichte. Keleti Szemle T. XIII. Budapest, 1912/1913). (In German) Available at: <https://archive.org/details/keletiszemlevol13/page/n1/mode/2up>.
4. Mosina N. M. [Contribution of Heikki Paasonen to the Development of Mordovian Linguistics]. *Finno-ugorskie Jazyki Narodov Rossii v Usloviiakh Vzaimodeistviia s Jazykami Raznykh System: Materials of the International Symposium*. Saransk; 2016. p. 5–11. (In Russ.) EDN: XSPVGL
5. Grebneva A.M. [Dialect Vocabulary as the Subject of Study and the Means of Education

- in the Course “Mordovian (Erzya/Moksha) Dialectology” and in Adjoining Special Courses]. *Integration of Education*. 2006;(1):169–173. (In Russ.) Available at: <https://clck.ru/3C6dZn> (accessed 06.01.2024).
6. Yermushkin G.I. [Development of the Phonetic System of the Erzya-Mordovian Dialects: Abstract of the Dissertation for the Degree of Doctor of Philological Sciences]. Moscow; 1997. (In Russ.) Available at: <https://clck.ru/3C6dmP> (accessed 06.01.2024).
 7. [Mordovian Ethnographic Collection. In the Appendix: Description of the Orkino Village in the Saratov by A. N. Minkh]. A.A. Shakhmatov (comp). St. Petersburg; 1910. Saransk, 2012. (In Russ.) Available at: <https://clck.ru/3C6eEM> (accessed 06.01.2024).
 8. Kukushkina N.F. [Phonetics of Moksha Dialects (in the Linguogeographical Aspect): Abstract of the Dissertation for the Degree of Candidate of Philological Sciences]. Saransk; 2012. (In Russ.) Available at: <https://clck.ru/3C6ega> (accessed 06.01.2024).
 9. Vaganova E.N. [On the History of Creation and Structure of the Mordovian Dialectological Dictionary]. In: *Folklor v Kontekste Kultury: Materials of the All-Russian Scientific. Conf. Makhachkala; 2009*. p. 115–118. (In Russ.) EDN: VUAUHL
 10. Suraveva M.S. [Scientific Research by Heikki Paasonen in the Dialectology of the Mordovian Languages]. *Vzaimodeistvie Nauki i Obschestva: Problemy i Perspektivy: Materials of the International Scientific-practical Conf. Saransk; 2018*. p. 179–180. (In Russ.) EDN: YQOTFZ
 11. Kert G.M. [Dmitry Vladimirovich Bubrich. 1890–1949: An Essay on Life and Work]. Leningrad; 1975. (In Russ.)
 12. Tsygankin D.V. [Grammatical Categories of the Noun in the Dialects of the Erzya Mordvin Language]. Saransk; 1977. (In Russ.)
 13. Levina M.Z. From the History of Classifications of Moksha Dialects. *Finno-Ugric World*. 2015;(3):24–35. (In Russ., abstract in Eng.) EDN: VJUGCL
 14. Agafonova N.A., Ryabov I.N. Dialectological Atlas as the Result of the Research of Erzya Dialects with the Help of Linguistic Geography Methods. *Finno-Ugric World*. 2013;(2):48–53. (In Russ., abstract in Eng.) EDN: RCGBDZ
 15. Bogdashkina S.V. A Brief Overview of Studies on the Dialectal Vocabulary of Moksha Language. *Herald of Chelyabinsk State Pedagogical University*. 2013;(9):212–221. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://clck.ru/3C796i> (accessed 06.01.2024).
 16. Kabayeva N.F., Diveyev A.V. The South-Eastern Dialect of the Moksha Language: Phonetic Features of one Subdialect. *Bulletin of Ugric Studies*. 2020;10(3):453–461. (In Russ., abstract in Eng.) EDN: LZPUQX
 17. Ryabova G.V. Linguogeographic Analysis of Phytonyms of the Erzya Dialects of the Samara Region. *Filologicheskij Aspekt*. 2020;(7):27–33. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://clck.ru/3C79LM> (accessed 06.01.2024).
 18. Naturalnova G.A., Bogdashkina S.V., Maskaeva S.N., Kabayeva T.A. Dialect Dictionary as a Source for Studying the Lexical Characteristics of Shoksha Dialects. *Kazanskaia Nauka*. 2021;(7):103–106. (In Russ., abstract in Eng.) EDN: HVQFBV
 19. Lapteva I.V. [Preservation of Cultural Heritage as a Problem of Linguistic and Ethnocultural Studies]. *Etnos, Iazyk, Kultura v Kommunikativnom Prostranstve: Poznanie i Prepodavanie: Conf. Paper. Abakan; 2023:10–13*. (In Russ.) EDN: HGTPCS
 20. Yeremina V.I. [Introductory Article. Folklornoye Naslediye A. A. Shakhmatova]. St. Petersburg; 2005. (In Russ.)
 21. Gerd A.S. [Introduction to Ethnolinguistics: A Course of Lectures and a Textbook]. 2nd ed., rev. St. Petersburg; 2005. (In Russ.) Available at: <https://djvu.online/file/rzJpKNtVyvICK> (accessed 06.01.2024).
 22. Sapir E. [Selected Works on Linguistics and Cultural Studies]. Moscow; 1993. (In Russ.)
 23. Paasonen H. *Mordwinisches Wörterbuch*. Helsinki; 1990–1996. Bd. I–IV. (In German)
 24. Evseviev M.E. [Selected Works in 5 Vol. Historical and Ethnographic Studies]. Vol. 5. Saransk; 1966. (In Russ.)
 25. Yudayeva O.V. [Evolution of the Poetic Function in Verbal Dilexic Complexes]. *Poetics of Literary Text: Proceedings of the International Scientific Conf. Borisoglebsk, 2008;1:271–279*. (In Russ.)
 26. Shiyanova A.A. [Pair Words Learning History in Finno-Ugric Linguistics]. *Bulletin of Ugric Studies*. 2012;(1):63–68. (In Russ.) Available at: <https://clck.ru/3C7FnQ> (accessed 06.01.2024).
 27. [Slavic and Balkan Folklore: Ethnolinguistic Study of Polesie]. N.I. Tolstoy (ed.), et al. Moscow; 1995. (In Russ.)

Submitted 09.07.2024; revised 14.08.2024; accepted 21.08.2024

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

E. N. Vaganova – Cand.Sci. (Philol.), Associate Professor, Department of German Philology, National Research Mordovia State University (68 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8941-846X>, waganowa@mail.ru

I. V. Lapteva – Dr.Sci. (Philos.), Associate Professor, Principal Researcher, Head of Department of Theory and History of Culture, Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia (3 L. Tolstogo St., Saransk 430005, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0444-4237>, laptevaiv@yandex.ru